
ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

НЕПАЛ. ГОД 2133

Древняя страна в начале новой эпохи

И вот подо мной – Непал, государство, зажатое между мистическим Тибетом и тропической Индией в центральной части Гималайских гор (Хималаи на непальском означает “Обитель снегов”).

Небольшая страна (с севера на юг двести, с востока на запад восемьсот километров) имеет на своей территории восемь из четырнадцати существующих на Земле восьмитысячников и самое глубокое в мире ущелье – Кали Гандаки. Почти половина высокогорного королевства располагается на высоте более 3000 метров!

Ему принадлежит и “макушка” мира – Эверест (8848 метров). Здесь же родина одного из величайших светочей человечества – Сиддхартхи Гаутамы¹ – отца одной из древнейших религий мира – буддизма. Считается, что в этих краях затерялась таинственная и непостижимая Шамбала – заповедное место, где формируется энергетика, необходимая для духовной эволюции человечества. Толкований значения слова Непал несколько. Если опираться на древний санскрит, то Непал – “Земля у подножья гор”².

Летим на высоте 9000 метров. Хотя солнце уже на западе, за хвостовым оперением самолета, оно висит еще достаточно высоко и хорошо освещает землю. Воздух над бурой, в зеленых мазках, землей в густой сизой дымке, сквозь которую угадываются квадратики миниатюрных полей, крошечные постройки, извилистые, в светлой кайме берегов, русла обмелевших речек. Над горами же воздух прозрачен настолько, что, кажется, протяни руку и дотронешься до ближнего отрога. Дальше на север четко видны ряды остроконечных пиков высочайшего в мире Главного Гималайского хребта, покрытые вечными снегами и многокилометровыми языками ледников. За ними простирается на тысячи километров древний Тибет. При виде этой грандиозной панорамы всё, что совсем недавно беспокоило и волновало меня, отошло на задний план.

¹ Принц Сиддхартха Гаутама – Будда (пробужденный, просветленный) родился в 624 г. до н. э. и должен был стать двадцать восьмым правителем Непала в династии Кирати. Но, видя множество страданий вокруг, он посвятил свою жизнь поиску пути, освобождающего людей от них. Результатом этих поисков стало Просветление под сенью многоствольного дерева Бодхи (Древа Мудрости), которое помогло ему выработать “правила для мирян”, “правила пожертвований” и “правила восьмеричного пути”, включающие в себя культуру поведения, культуру медитации и культуру мудрости. Случилось это, когда Будде было 35 лет. Ушел он из жизни в возрасте 80 лет.

² Забавно, что закрытый Непал “откупорил” для посещения иностранцами во второй половине 50-х годов XX века выходец из России, одессит Лисаневич. Живя в те годы в Калькутте, он убедил часто приезжавшего туда короля Непала Махендру в том, что туризм может послужить хорошим подспорьем для бюджета его королевства, и получил разрешение открыть в Катманду гостиницу и организовывать посещение страны иностранными туристами.

С юга, со стороны низменной Индии, на Гималаи волнами набегают более низкие хребты, покрытые зелеными кудряшками лесов. Их мощь нарастает от волны к волне, и сами Большие Гималаи – это уже угрожающе нависший над Тибетским плато циклопический девятый вал, который в самый последний миг так и застыл, не решившись обрушиться на священную для человечества землю.

Пока летели, небольшие отары облаков сбились в сплошное стадо и заползли под брюхо нашего лайнера. Коснувшись их, он как будто завяз в молочных клубах и стал стремительно погружаться в серую, влажную мглу. Неожиданно она разошлась, и навстречу нам вынырнула овальная, плодородная долина Катманду – лоскутное одеяло, сшитое из клочков разноцветных садов и огородов. В центре размытое пятно столицы королевства – город Катманду. С высоты птичьего полета он из-за сумбурности архитектуры напоминал... руины Сталинграда: один и тот же дом с одного угла может быть одноэтажным, а с противоположного уже двух- или трехэтажным. Эти беспорядочные перепады и создавали иллюзию разрухи. Преобладающий цветовой фон в это время года (последние дни зимы) из-за слоя пыли, скопившегося за пять месяцев, прошедших без единой капли дождя, серо-коричневый, и выглядит город сейчас не так свежо, как летом, в период дождей. Деревьев и кустарников мало, а имеющиеся усыпаны цветами: красными, сиреневыми, белыми – скоро по календарю весна.

Катманду: короли, храмы и... маоисты

Столичной аэропорт Трибхуван (он назван так в честь короля, правившего страной до Махендры с 1951 по 1955 годы) напоминал длинную казарму из красного кирпича с несколько неряшливой кладкой. Встречал меня молодой, интеллигентной внешности непалец по имени... Камал! Очень приятный, деликатный, с ослепительной улыбкой на лице. Знает пять языков, в том числе русский, что для Непала пока большая редкость.

Камал сразу надел на мою шею шелковый приветственный шарф:

– Намастэ! (Здравствуйте!)

Непальское приветствие в его устах прозвучало особенно нежно, распевно – “наа-маа-стээ”. На санскрите это означает “божественное во мне приветствует божественное в тебе”.

Получив багаж, поехали в отель, расположенный в туристическом районе Тамель, на белом праворульном лимузине 80-х годов (движение левостороннее – сказывается длительное влияние англичан). Вот тут я каждой клеткой прочувствовал непальский стиль езды – одно из самых ярких и незабываемых ощущений от посещения королевства! Эти тридцать минут сразу дали возможность четко осознать, что я попал не только в другую страну, но и в другой мир.

Езда, надо признаться, не для слабонервных. Улочки в Катманду узкие, каменисто-ухабистые. То и дело произвольно меняют направление, при этом попутно раздваиваются, утраиваются, а порой завершаются просто тупиком или аркой-туннелем высотой в полтора метра. Тротуары напрочь отсутствуют! По улочкам движутся в едином потоке люди, автомобили, велорикши, животные, мотоциклы, аляповато разукрашенные грузовики. Все беспрестанно галдят, сигналият, покрикивают, позванивают безо всякого на то повода. Просто так – чтоб веселей было.

Дороги настолько узкие, что каждый встречный автомобиль воспринимаешь как несущегося на тебя смертника, но за пару секунд до лобового удара машины фантастическим образом вытягиваются, истончаясь до требуемого формата, и проносятся в нескольких сантиметрах друг от друга, не сбавляя скорости. При этом ни один из водителей даже глазом не поведет. Потрясающее чувство габаритов! Мне с непривычки было жутко. Сердце всякий раз сжималось от страха, а нога что есть силы давила на несуществующую педаль тормоза. Самое удивительное во всем этом хаосе то, что я в Непале не видел ни одного ДТП! Невероятно, но факт.

Судя по безмятежным улыбкам непальцев, для них такая езда обычное дело. Поразило еще вот что: если кто-то вдруг, встав в задумчивости посреди дороги, парализует движение, то на него не кричат и не бранятся. Просто терпеливо сигналият – очнись, мол, дай проехать.

Вообще, в Катманду какая-то особая, приятная энергетика. Она и приезжих постепенно заражает спокойствием и по-детски радостным отношением к жизни. Не могу не упомянуть непальское такси “тук-тук”, весьма экзотичный вид транспорта, – мотороллер с прикрепленным к нему кузовом-кунгом, в который набивается до восьми человек. Чтобы остановить его, надо успеть постучать по обшивке кабины. Поэтому и называется “тук-тук”.

Застройка города невероятно плотная – при численности несколько миллионов человек (точную цифру никто не знает) он весьма компактен по площади. Дома лепятся друг к другу вплотную, без зазора. При этом на них нет, по крайней мере я не видел, ни номеров, ни названий улиц. Проехать, а тем более пройти пешком к какой-нибудь достопримечательности без местного сопровождающего проблематично. Лабиринт из поворотов и ответвлений, следующих один за другим, ставит чужака в тупик через несколько минут, а горожане в этой неразберихе умудряются ориентироваться.

Небольшие, в основном двух-трехэтажные дома раскрашены в немислимые цвета либо просто неряшливо затерты раствором. Общий архитектурный стиль прослеживается, но ни про одну постройку не скажешь “красивый дом” (храмы, дворцы – исключение). Все сооружено как-то наспех, имеет незавершенный вид. Не редкость полуразвалившиеся или в трещинах, с отвалившейся штукатуркой, оконными проемами без рам или с рамами, но без стекол. В порядке вещей, когда к дому приличного вида лепится лачужка, сооруженная из полусгнивших досок, кусков ржавой жести, с обрывком грязной материи вместо двери.

Горожане убеждены, что улица является продолжением их квартир – почти на проезжей части сушат чили, кукурузу, готовят пищу, стирают и выливают воду. Зато на всех окнах и балконах цветы; под карнизами трепещутся разноцветные флаги.

Помимо пестрой, многоголосой толчеи бросается в глаза обилие лавок, магазинов, мастерских сверхминиатюрных размеров. Магазин площадью шесть квадратных метров – норма. Большие магазины наперечет, а супермаркетов я лично вообще не видел. Улицы освещены плохо. Фонари стоят редко и светят как-то совсем робко.

Катманду сохранился практически таким, каким он был сто лет назад: сотни храмов и ступ³ на площадях, вечная смесь ароматов благовоний и запахов еды, пряностей, дыма сжигаемого мусора; со всех сторон звучит национальная музыка. Немало старинных домов с портиками, колоннами, деревянными ставнями, украшенными филигранной резьбой. Почти во всех дворах статуи Будды, домашние ступы. Множество золоченых пагод, храмов с крышами, поднимающимися в небо. На их стенах нарисованы глаза Будды. Его всевидящий взгляд сопровождает людей повсюду.

Улицы полны милостивых девушек с выразительными темно-карими глазами на смуглом, нежном лице. Лоб непальцев, исповедующих индуизм, как правило, украшен точкой – “тикой”, знаком счастья и благоденствия. Рисуют ее чаще всего красной краской, поскольку цвет крови символизирует жизнь. Наносится тика в самый центр лба, туда, где у бога Шивы находится третий всевидящий глаз. И хотя тика является женской прерогативой, по особо торжественным случаям и большим религиозным праздникам мужчины также наносят ее.

Излюбленной одеждой женщин индуисток по сей день является сари, представляющее собой шесть-восемь метров хлопчатобумажной или шелковой ткани, особым образом оборачиваемой вокруг ног, бедер и груди. Если чуть-чуть потренироваться (продавцы охотно помогают освоить эту науку), можно оценить преимущества древнего сари перед современным европейским нарядом. Ткани для сари используются самых разнообразных цветов и оттенков. Если женщина носит сари красного цвета – значит, она счастлива. Вдова никогда не наденет красное сари.

Непальцы среднего роста, худощавые, смуглокожие и очень подвижные. В большинстве дружелюбны, улыбкивы. Их открытость и приветливость искренны, неподдельны. Мрачных, озабоченных лиц на улицах не видно.

³ Ступа (в переводе с санскрита означает “макушка”) – особо почитаемый монумент, символизирующий в буддизме гору Меру, олицетворяющую центр Вселенной. В них обычно помещают реликвии веры, например мощи святых, кусочки их одежды.

При общении с местным населением надо помнить, что непальцы, когда хотят сказать “нет”, кивают, как и болгары, а когда говорят “да”, качают головой из стороны в сторону. Еще я обратил внимание, что если с непальцем поздороваешься на его родном языке (намастэ), а тем паче поблагодаришь (даньябат), то он от счастья готов тебя чуть ли не на руках носить.

Население смешанное. Судя по тикам на лбах, в Катманду преобладают индуисты. Хотя и буддистов немало. Обе религии (общины) сосуществуют мирно: индуистские храмы и буддистские ступы повсюду рядом. Статуи Будды порой на индуистский манер посыпаны красной пудрой.

Буддизм⁴ в основном исповедуют народности, живущие на севере, в высокогорных районах (всего в королевстве проживает более 60 народностей, это, конечно, меньше, чем в России, но здесь все этнические группы сконцентрированы на территории в сотни раз меньшей). Среди них многочисленны тибетцы (по преимуществу образованные и предприимчивые люди), тхакали (отличаются гостеприимством и поэтому нередко содержат отели), знаменитые горные шерпы (как никто адаптированы к жизни в высокогорье – про них говорят “люди с тремя легкими”). Последние – вне конкуренции в качестве носильщиков, проводников, хотя немало среди них и тех, кто преуспел в ресторанном и гостиничном бизнесе.

Индуизм⁵ преобладает в южных, граничащих с Индией, провинциях. В средней же части страны обе эти религии за многие века переплелись настолько плотно, что возник симбиоз: индуизм воспринял некоторые черты буддизма и наоборот. Буддисты при этом куда терпимее к иноверцам, чем индуисты – у тех масса запретов и ограничений. В этом я не единожды убеждался, путешествуя по королевству.

Одеваются непальцы довольно пестро и свободно. Мужчина в европейском костюме – большая редкость, и отношение к нему особо почтительное. Если же он еще и при галстукке, то на него смотрят как на божество: всячески угождают, а на досмотре в аэропортах на такого господина буквально не дышат. Жаль, что я не знал об этом раньше: оделся бы соответственно.

На улицах бросается в глаза обилие военных блокпостов: обложенные мешками песка огневые точки с пулеметом и несколькими автоматчиками внутри. Эти меры связаны с тем, что Непал уже более десяти лет находится в состоянии вялотекущей, с периодическими обострениями гражданской войны. Хотя, к чести обеих враждующих сторон (коммунистов-маоистов и сторонников короля), туристов они не трогают. Более того – прямо-таки лелеют, как главный источник пополнения казны. Даже революционеры маоисты понимают, что без туристов Непал, не важно, будет он монархическим или коммунистическим, просто не выживет. Правда, время от времени эксцессы и с туристами случаются: то под обстрел попадут, то отнимут у них последнее “в помощь голодающим”⁶.

Кстати, военнотружущий в Непале – одна из самых высокооплачиваемых и уважаемых профессий. Желающим стать военным необходимы не только хорошие физические данные, но и высокая общая культура. Отвага непальских солдат и офицеров очень ценится в Англии: англичане нанимают их в свои батальоны специального назначения. В сражениях Второй мировой войны на стороне Великобритании принимали участие аж 200 тысяч непальских наёмников.

Пятиэтажная гостиница, в которой меня поселили, имела бассейн, фонтан, бар, два ресторана, душ, безупречно обставленный номер, вышколенный персонал – все условия для привыкших к комфорту европейцев. Я бы предпочел поскромней. Излишества напрягают.

⁴ Буддизм не является религией веры, он – религия опыта. Буддизм не говорит людям, что они должны думать, а учит, как думать. Его цель в развитии изначально присущего каждому потенциала и пробуждении высшей мудрости во благо всех существ.

⁵ Индуизм в нынешнем виде сформировался примерно в V веке нашей эры. В этом учении главным критерием добродетельной жизни является постижение внутреннего смысла сути бытия. Во главе пантеона богов индуизма стоит триада богов брахманизма: Брахма – бог-творец, Вишну – бог-хранитель и Шива – бог-разрушитель и созидатель. Формой социальной организации индусов служит каста. От принадлежности к той или иной касте во многом зависят особенности религиозного поведения индусов. Общим для всех индусов является учение о перевоплощении душ. Благоприятность перевоплощения зависит от кармы – воздаяния за совершенные поступки.

⁶ В середине 2007 года враждующие стороны договорились о перемирии.

Послезавтра в три часа ночи наступает Лосар – тибетский Новый 2133 год. Год Огненной собаки. По расчетам астрологов – это время самое благоприятное для встречи Нового года, потому что именно в этот час на горе Камдо расцветут первые весенние цветы.

Вечером по совету Камала в город не выходил. Утомленный дорогой, почти сразу лег спать. Утром после простенького завтрака спустился во дворик отеля. Пунктуальный Камал уже поджидал возле машины. Увидев меня, он расцвел так, что можно было подумать, будто мое появление осчастливило его на всю жизнь. Я в ответ заулыбался еще шире.

Сегодняшняя цель – один из самых почитаемых монастырей буддистов – монастырь Шечен. В нем весь день будут проходить службы, предшествующие встрече Нового года. Обнесенный высокой стеной из красного кирпича, монастырь находится на восточной окраине города. В центре комплекса прямоугольный храм-пагода, украшенный филигранной резьбой по дереву и камню. Внутри храма огромная золоченая статуя Будды, трон настоятеля. По стенам развешаны тангаки с мандалами (расписанные ткани), с потолка свисают красные шары, штандарты, на полу низкие скамьи с бархатными подушками. Сам потолок разрисован сценами из жизни Будды. Все это в золоте и ярких красках – великолепии потрясающее.

По внешней стороне основания храма длинные ниши, в которые встроены сотни молитвенных барабанов – цилиндров, стоящих на вертикальных осях. На каждом выгравированы молитвы – мантры магического звучания. Одна из них звучит “Ом – мани – падме – хум”, что в переводе означает “о благословенный алмаз в священном цветке лотоса”. Всего четыре слова на санскрите, а каков образ!

Буддисты верят, что движение помогает молитве быстрее достичь ушей Будды, и поэтому три раза обходят вокруг храма по часовой стрелке, вращая барабаны правой рукой (левая считается нечистой). Если это делать часто и с чувством любви к Просветлённому, то будешь счастливым и здоровым всю жизнь.

Устоявшееся представление, что пагоды с нависающими друг над другом крышами впервые начали возводиться в Китае и Японии, неверно. Именно в Непале в XII веке архитектором Арнике построена первая пагода, и только после того, как он возвел в этом королевстве еще несколько пагод, его пригласили в Китай. Оттуда эта новая архитектурная форма перекочевала в Японию.

Вокруг площади с храмом – трехэтажные здания с кельями для послушников и лам. Слева от парадного входа в монастырь в одном из них арочный проход на территорию буддистского университета с учебными корпусами и общежитием для студентов.

Учащиеся, ламы, служители культа все поголовно стрижены наголо. Возраст разный: от десяти-двенадцати лет и старше. Одеты в желто-бордовые тоги. Во время службы они надевают еще и золотистые матерчатые шлемы с высоким ниспадающим гребнем. Внешне эти красивые головные уборы очень похожи на шлемы воинов Александра Македонского.

Когда мы вошли в монастырь, один из служителей уже бил в огромный, висящий на перекладине гонг-бубен – призывал на службу, предшествующую встрече Нового года. После третьей серии ударов музыканты оглушительно, с красивыми переливами заревели в трубы. Они настолько длинные, что рас-трубом упираются в пол, и такие тяжелые, что монахи переносят их вдвоем – одному не под силу. От рева этих труб даже стены храма временами вибрировали.

Тем временем на зеленом газоне вокруг площади рассаживались приехавшие на очистительную предновогоднюю церемонию непальцы. Судя по одежде и внешности, в основном выходцы из высокогорных районов. Практически все с семьями. Сидят чинно, торжественно: для них это событие – святое.

Четверо монахов вынесли трон и установили его в метрах пяти от красного клыкастого чудища, лежащего на широкой доске. (Чудище делают из теста и внутрь заливают кровь.) Следом вышел и сел на трон наставник в пышном церемониальном темно-синем костюме, украшенном многоцветным орнаментом. И сразу из храма цепочкой потянулись, выстраиваясь по периметру площади, барабанщики, литавристы, трубачи. Все в желто-бордовых одеяниях. За спиной наставника расположилась свита из приближенных лам в черно-золотистых, очень сложной формы костюмах, состоящих из десятков деталей.

И вот настал момент, когда под бой барабанов, звон литавр и космические звуки труб начались ритуальные танцы, распевное чтение мантр. Паузы заполнялись позвякиванием колокольчика в руке неподвижно сидящего наставника. Необычная музыка, горловое пение двух сотен лам постепенно меняло внутренний настрой присутствующих и возносило к высоким духовным сферам.

Причудливые танцы, исполняемые монахами, сопровождалось замысловатыми подскоками, резкими поворотами и глубокими наклонами. В финале наставник мечом разрубил злое чудище на мелкие куски, и ламы перенесли разрушенное “тело” на поляну. Здесь наставник горячей стрелой, выпущенной из лука, поджег огромный костер, выложенный в виде пасти Ямараджи⁷. Буддисты верят, что в его пламени сгорают все негативные энергии и неприятности уходящего года. Монахи, быстро пробегая (пламя очень жаркое и высокое), бросают в “пасть” куски разрушенного чудища, жертвоприношения и мелкие личные вещи присутствующих (их собирают заранее и складывают на большие бронзовые блюда).

После завершения очистительной церемонии, готовящей человека к встрече Нового года, мы зашли в примыкающее к монастырю кафе. Поели “момо” – крупные пельмени с овощной начинкой (делают и с мясной), попили непальский чай с солью, маслом. Вопреки моим ожиданиям, столь необычный напиток оказался приятным, хорошо утоляющим жажду. Он настолько понравился мне, что в дальнейшем только его и заказывал.

Непальская кухня не отличается большим разнообразием блюд. Самое популярное из них – “дааль бхаат”. Это вареный рис с подливой из чечевицы, тушеных овощей и острыми приправами. Уникальная особенность непальских ресторанчиков заключается в том, что, заказав “дааль бхаат”, вы можете бесплатно, сколько угодно раз, получать добавку. Вам будут подкладывать ее, даже если вы не просите, более того – отказываетесь. Поскольку сами порции изначально большие, одной-двух добавок хватает, чтобы не вспоминать о еде весь день. Другое популярное блюдо – уже упомянутое “момо”. Что-то вроде наших вареников с начинкой из курицы с овощами, или баранины с луком, или просто овощами. Готовится “момо” на пару, как манты. Они хороши под местную водку ракши или местное пиво из риса – чанг-папод. Большинство блюд острые. Это, наверное, один из основных, выработанных веками способов борьбы с кишечными заболеваниями.

Говядина в местной кухне отсутствует – корова здесь, как и в Индии, священное животное. В Непале за ее убийство полагается 20 лет тюремного заключения. На мой вопрос: “Почему за убийство коровы наказание суровей, чем за убийство человека?”, гид пояснил – “Людей много, коров мало”.

Возвращаясь в отель, завернули на городскую площадь, где воздвигнута самая крупная в Непале ступа Боудднатх – символ тибетского буддизма в Непале. Пока ехали к ней, мальчишки раз пять перегораживали дорогу натянутой веревкой и требовали с Камала деньги за проезд. Камал притормаживал и с неизменной улыбкой давал старшему по одной рупии (40 копеек). Подобные поборы допускаются в Непале только в праздничные дни.

Построена ступа Боудднатх в V веке на большой площади в окружении тибетских монастырей. Основанием ей служат три уплощенных квадрата, лежащих один на другом. Далее следует громадная полусфера, олицетворяющая небо, на ней куб – символ земли, на всех сторонах которого нарисованы выразительные глаза Будды. Венчает это сооружение золотой шпиль из 13 ступеней (по числу шагов к просветлению). На кончике шпиля шар – символ Солнца и Луны. В просторных нишах основания сидят ламы, читают мантры, связанные с образом вечности: “Ом-намо-пара-яна” – “Я чтю человека вне времени и пространства”. Это основополагающая философская мысль буддизма.

От шпиля к земле тянутся десятки гирлянд с разноцветными флажками. На каждом записаны тексты мантр. Флажки трепещут по ветру, и тексты, как считают буддийские монахи, возносятся к Будде, созерцающему происходящее.

Стоящие на площади вокруг ступы тибетские храмовые сооружения украшены сказочными драконами, снежными барсами, затейливой резьбой. Среди

⁷ Ямараджа – бог, определяющий, кем человек станет в следующем перевоплощении согласно карме, накопленной им в течение прошедшей жизни.

них есть даже бутанский храм. Его крыша увенчана тремя золотыми шпилями, из-за чего он напоминает плывущий кораблик, а у входа стоят золоченые олени, висит колесо дхармы⁸. Между храмами втиснуто невероятное количество лавок с дорогими, ручной работы сувенирами: латунное литье, картины-танки с мандалами, изображающими устройство Вселенной. В жилые дворы ведут арки-тоннели. В большинстве из них тоже стоят на квадратных поста-ментах белые ступы, только маленькие.

Пользуясь тем, что мы находились возле дома известного тибетского вра-ча, прошли через одну из арок в его уютный дворик. Дворик хоть и крошеч-ный, но в нем нашлось место и для цветника, и хлева с двумя буйволами, и стожка сена, и клетки с красавцем петухом и дюжиной куриц. При этом ника-ких неприятных запахов. Чистота почти стерильная – врач как-никак. Позво-нили в дверь. Со второго этажа спустился сам целитель – сухонький, подвиж-ный, с умными глазами лысый старичок. Он провел нас в комнату на первом этаже – кабинет для приема пациентов. Две стены сплошь заставлены шка-фами с ячейками, точь-в-точь как в библиотечной картотеке. Только вместо карточек в них гранулы разного размера и цвета (готовит их врачеватель сам из лекарственных трав). Сели за стол друг против друга. Он взял мою руку и долго отрешенно щупал, слушал пульс в разных точках сначала на левой, по-том на правой руке. По две-три минуты на каждой. Нажмёт – отпустит, на-жмёт – отпустит и в глаза пристально вглядывается. Закончив, сказал: “Тело у тебя удобное для жизни. Дух сильный, но позвоночник не следует перегру-жать – в поясничном отделе есть проблема”.

Дал мне в мешочках три вида лекарственных гранул для укрепления по-звоночника. Визит, включая стоимость лекарств, обошелся в 20 долларов (в Москве за это берут от 400 до 600).

Как известно, тибетская медицина, в отличие от западной, рассмат-ривает тело в неразрывной связи с духом и при лечении стремится влиять на при-чину болезни, а не на саму болезнь, которая является лишь следствием.

В Непале темнеет рано и быстро. От целителя вышли при свете солнца, а когда сели в машину и поехали, пришлось включать фары. Ближе к центру нас остановила полиция, объявив, что дальше проезд запрещен и будет открыт только часа через два.

Выйдя из автомобиля, мы увидели, что впереди все улицы запружены людьми. Влившись в поток, прошли через огромные, расцвеченные лампоч-ками ворота к великолепному индуистскому храму, стоящему на площади. К нему с нескольких сторон спускались улицы, заполненные десятками тысяч горожан. Все напряженно смотрели на ворота храма и чего-то ждали. Когда они распахнулись, на площадь вышли офицеры в парадной форме, богато одетые женщины. В центре этого шествия королевская чета: король в гене-ральском мундире и королева в пурпурном платье. Народ восторженно загу-дел. Процессия прошла к автомобилям с мигалками. Правящая элита Непала чинно расселась, и кавалькада потихоньку двинулась сквозь толпу вверх по улице. Оказывается, мы попали еще и на празднование дня рождения Шивы – одного из главных богов индуистского пантеона. (Это у христиан Бог один, а у индуистов их десятки, как и в Древней Греции.)

Камал сказал: “Увидеть короля большая удача. За 28 лет она мне улыб-нулась только два раза. Тебе, Камиль, повезло. Второй день в Непале, а уже на короля посмотрел”.

Кстати, Гьянендра Бир Бикрама вступил на престол после трагического расстрела в 2001 году членов королевской семьи и самого тогдашнего короля (брата Гьянендры Бир Бикрама) в их дворце во время ужина⁹.

После проезда коронованных особ застывший было народ зашевелился и хлынул вниз к решетчатым воротам храма, сквозь которые виднелся позоло-ченный зад и хвост огромной статуи священного быка-нандина, лежащего на полу. Храм не мог вместить всех желающих, и полиция пропускала группами по тридцать-сорок человек.

Возле ворот возникла невыносимая давка. Мужчины как замороженные, не обращая на других никакого внимания, не грубо, но упорно пробивались

⁸ Дхарма (буквально – закон) – правило жизни и поведения. Для каждой касты суще-ствует своя особая дхарма.

⁹ В середине 2008 года монархия в Непале была упразднена по решению парламента.

к заветному проходу. Втискиваясь в эту мешанину тел я не рискнул, тем более что меня – европейца – все равно отсекали бы на входе служители. Сфотографировал восседавших на высоком, длинном постаменте седобородых, загорелых старцев. Это были саддху – святые люди в немудреной одежде с преобладанием красных и белых тканей. (Саддху ведут отшельнический образ жизни и отличаются отрешенностью от всего суетного.) По примеру индуистов, выходящих из храма, мы тоже умылись водой, бьющей из клюва орла.

Должен признаться, что первое время я почему-то воспринимал всё то, что видел в Непале, как сказочные, сменяющие друг друга декорации грандиозного спектакля. Только на второй–третий день стало приходить понимание – это же не красочные декорации, а самая настоящая реальность, и ты в ней сам присутствуешь. Когда это окончательно дошло до моего сознания – сразу стал глубже и ярче чувствовать происходящее.

В пять утра опять были в монастыре Шечен на службе по случаю наступившего Нового года. Служба началась в три часа ночи, но я предпочел хоть немного поспать. Когда мы приехали, ламы в желтых шлемах-шапках уже восседали в зале на толстых, шитых золотом подушках, распевая мантры и покачиваясь в такт ритму. Гости же расположились на подушках попроще, разложенных вдоль боковых стен. Садиться на места лам посторонним запрещено – считается, что это может осквернить место и загрязнить их карму.

Наставник и его юное воплощение (он примет полный сан после смерти наставника) восседали, скрестив ноги, на высоких тронах – алтарях. Между монахами ходили два служителя: дымили душистым благовонием и наливали чай желающим. Протяжное чтение молитв мантр хором низких и высоких голосов продолжалось еще около часа (невольно посочувствовал ламам – как они умудряются запоминать такие большие тексты). После этого паломники и туристы, пришедшие на службу, вереницей прошли перед наставником. Он благословлял и надевал на шею каждому широкий белый шарф из шелка с написанными на нем мантрами. Стоящие рядом служители насыпали в ладони проходящих по щепотке освященной крупы (ее потом нужно съесть) и давали узкую красную ленточку. (Если ее проносить на шее три дня, то она будет весь год оберегать человека от влияния злых духов.) Когда все гости были благословлены, ламы раздали им еще и бумажные мешки, полные сладостей и фруктов.

Наблюдая за спокойным, размеренным течением древнего церемониала, я подумал: как хорошо, что Непал на протяжении нескольких веков находился в изоляции – это позволило ему сохранить свою уникальную культуру, обычаи в первозданном виде.

Путешествие в Гималаи

Сдав номер и оставив в камере хранения часть вещей до возвращения из Гималаев, отправились в аэропорт. Эта обычная практика большинства отелей и не требует дополнительной платы, но сохранность вещей при этом гарантируется.

Камал в этот раз провез мимо королевского дворца, занимающего целый квартал в центре города. Через ажурную решетку обширного парка виднелось розовое здание со стилизованной под пагоду крышей, украшенной маленьким шпилем. У главных ворот и по периметру ограды автоматчики в черной национальной форме – охраняют покой монарха от местных сторонников демократии и маоистов.

Прежде чем сесть в двадцатиместный самолет, вылетающий в город Покхара, прошли через тщательный личный досмотр и скрупулезное изучение каждого предмета в наших рюкзаках. Такие строгости связаны с непрекращающейся гражданской войной. Маоисты ставят целью установление в Непале коммунистического режима с сохранением капиталистического сектора в экономике, по примеру Китая.

Я сел у иллюминатора, так, чтобы в полете было удобней созерцать Большие Гималаи. Вскоре белоснежные вершины одна краше другой поплыли справа на уровне глаз. По разделяющим их каньонам ползли мощные ледники. А прямо под самолетом лесистые “лилипуть” – горы в каких-то три-четыре тысячи метров высотой. Кстати, в Непале аж 1310 пиков, превышающих

отметку 6000 метров. Представляете – 1310! У нас в России самая высокая гора Эльбрус имеет рост 5642 метра. Я уж молчу про Западную Европу – знаменитый Монблан не дотягивает и до пяти тысяч метров.

С берегов рек кое-где поднимались столбики дыма погребальных костров. Непальцы уверены, что только кремированием тел умерших можно освободить и подготовить их души к новому рождению – реинкарнации. При этом белый дым означает, что человек прожил благочестивую жизнь, а черный, что он много грешил. Пепел и одежду усопших после кремирования сбрасывают в реку, которая уносит их в священный Ганг (все реки Непала впадают в него).

Наконец, вот она, Покхара – идиллический курортный город на западе королевства, растянувшийся вдоль живописного озера Пхева Тал (тал означает озеро) в окружении гор – высоченных, белоснежных на севере и невысоких, зеленых на юге. Озеро, второе по величине в Непале, имеет в длину четыре километра. В его окрестностях живут гуркхи – отважные, стойкие воины, служащие наемниками во многих армиях мира. Здесь же родина знаменитого боевого ножа – кукри, постоянного атрибута солдат гуркхов. Его лезвие напоминает по форме крыло сокола с заточкой по вогнутой грани.

Покхара веками была важным перевалочным пунктом торговли Индии с Тибетом. Сейчас это туристический и курортный центр с множеством отелей. Из их окон открывается вид на великолепные горные ландшафты. Недаром Покхару еще называют “воротами” к крупнейшему горному массиву Гималаев – массиву Аннапурны.

Этот город – рай для ничегонеделанья и безмятежного отдыха. Приезжая сюда, европейцы, замороженные окружившей их красотой, ровным, стабильно теплым климатом, приветливыми улыбками, впадают в состояние беспечного блаженства. Расслабляющее очарование этих мест ощущаешь сразу, как только выходишь из самолета.

Если встать лицом к Гималаям, слева на западе за самым глубоким в мире ущельем Кали Гандаки виднеется вершина Джаулагири (8167 м). А справа начинается обширный массив Аннапурны, увенчанный двенадцатью пиками, высота которых превышает семь тысяч метров. Ближе к Покхаре центр панорамы занимает гора Мачхапучаре (Рыбий Хвост – 6997 м) с раздвоенной вершиной, из-за которой она и получила такое название. На мой взгляд – это одна из самых красивых горных вершин мира. Не случайно она у непальцев имеет статус священной горы, и взбираться на нее запрещено. Дальше, за горным массивом, на севере – древняя, таящая множество тайн, каменистая высокогорная пустыня – Тибетское плато средней высотой четыре-пять тысяч метров!

Разместившись в небольшом уютном отеле с ухоженным садом и множеством цветов, прошлись по туристической улице, вытянувшейся вдоль берега озера: сплошь ресторанчики, магазинчики, лавочки, арт-галереи (вокруг города такая красота, что самому хочется взять в руки кисть).

Ужинали под открытым небом прямо на берегу. Отсюда хорошо виден небольшой остров с голубым дворцом – летней резиденцией короля Непала. Он лишен роскоши и напоминает обычную загородную дачу. Весь вечер на сцене пели и танцевали местные артисты. Кстати, очень профессионально, а главное, с душой. Мы с немногочисленными пока посетителями (сезон только начался) вдоволь насладились народными мелодиями и зажигательными танцами под благоухание ночных цветов.

Перед сном еще раз обсудили с Камалом маршрут. В итоге выбрали “Джомсом трекинг”, ведущий по тысячелетнему паломническому пути к святилищу Муктинатх. Тропа пролегает по дну ущелья Кали Гандаки, в окружении семи- и восьмитысячников, чьи вершины возвышаются над его дном на 5500 метров! В таком каньоне, пожалуй, можно спрятать Кавказский хребет! Здесь, в Гималаях, всё каких-то неправдоподобно циклопических размеров.

Ночь выдалась беспокойной. Четверо непальцев в соседней комнате, видимо, накурившись марихуаны, так громко общались между собой, что разбудили всех обитателей отеля. Я с час терпел, но потом, придав своему лицу строгое начальственное выражение, постучался и, когда они открыли дверь, попросил не шуметь. Поскольку выразить это пожелание ни на английском, ни на непальском я не мог, прибежал к языку жестов: приставил палец к губам и произнес “Тс-ссс”. К моему удивлению, никто из парней не стал

пререкаться. Они сразу перешли на шепот, и остаток ночи мы спали в полной тишине.

Утром купили билеты, оплатили пермит – пропуск в национальный парк Аннапурны¹⁰ – и после привычного досконального досмотра прошли по полю к двенадцатиместному самолетику. Из одиннадцати пассажиров – четверо местных жителей, семеро иностранцев. Кроме меня, один молодой немец, молодожены из Польши и отец с дочерью и сыном из Австрии.

Поскольку в ряду два сиденья, все места были у иллюминаторов, благодаря чему каждый из нас имел возможность в течение получаса любоваться незабываемым зрелищем полета в ущелье и пережить невероятно острые ощущения. Летели на высоте одного километра. Самолет, постоянно лавируя в причудливой теснине, порой так близко пролетал мимо скальных выступов, что катастрофа казалась неизбежной, но, на наше счастье, за штурвалом сидел виртуоз летного дела.

В иллюминатор было хорошо видно, что снеговая линия начинается с высоты примерно пяти тысяч метров. Это в конце зимы. Летом она наверняка поднимается еще выше. В наших же горах даже в июле снег может лежать на высоте и менее трех тысяч метров.

Ущелье, довольно широкое вначале, сужалось и становилось все мрачней. Река, бегущая по дну, вся покрыта белопенными барашками. По обе стороны от нее ступеньками поднимаются рукотворные террасы – небольшие поля. Между них редкие домики. На склонах гор повсюду цветут малиново-сиреневые рододендроны. Из боковых ущелий, забитых в изголовьях льдом, вырываются жемчужными каскадами студёные ручьи. В местах их впадения в речку образуются веерообразные намывы из валунов и гальки.

Городок Джомсом (2713 м) раскинулся в месте резкого расширения ущелья на высоком каменистом берегу реки, грохочущей в глубокой щели. После Покхары с температурой 25–26°C здесь прохладно: 12–13°C. В сочетании с холодным ветром разница весьма ощутимая. Поселение состоит из одной, с несколькими короткими ответвлениями, улицы. Его центральная часть сплошь застроена двухэтажными горными приютами с магазинчиками и лавками на первых этажах и открытыми террасами на крышах.

Камал здесь уже бывал и сразу повел меня к одиноко стоящему двухэтажному дому с плоской крышей, по краям которой сложены поленницы дров. Хозяйка по имени Таши сразу усадила нас за стол и накормила цампи: тибетским чаем, смешанным с ячменной мукой до кашеобразного состояния. После завтрака провела во двор, где стояли две лошади: низкорослые, мохнатые, очень похожие на наших башкирских. Рядом с ними местный проводник и портер¹¹ в одном лице – Дордже, худощавый, невысокий непалец лет тридцати. Часть нашего груза он навьючил на лошадей, а самую тяжелую поклажу закинул себе за спину. Лошадям на шею повесил по холщовой сумке с зерном. Чтобы нам было удобней ехать, на деревянные седла положил волосяные подушки.

Посреди городка на пологом скате горы разместилась воинская часть, обнесенная тремя рядами колючей проволоки, с пулеметными гнездами, смотровыми вышками по углам и у ворот, казармой, хозблоком, полосой препятствий для тренировок. Кругом солдаты, офицеры в камуфляже. Главная задача этого гарнизона – блокирование ущелья в случае вторжения маоистов со стороны китайского Тибета.

Единственная дорога, проходящая мимо воинской части, с двух сторон перекрыта шлагбаумом. Нас окликнули постовые. Проверили пропуск, документы, наличие лицензии у гида, записали мои паспортные данные в журнал и пожелали счастливого пути.

Вышли из Джомсома в 9.00. Так началось наше небольшое путешествие, или, как говорят здесь, “треккинг”, в горы.

¹⁰ Специального разрешения на трекинг в популярные районы сейчас уже не требуется (оно необходимо только при посещении провинций Мустанг и Манаслу). Но за сам вход в национальный парк Аннапурна взимают 2000 рупий с каждого, что соответствует 30 долларам.

¹¹ Портер – носильщик. Многие заблуждаются, называя носильщиков шерпами. Шерпы – это народность, пришедшая в Непал с Тибета и проживающая по большей части в окрестностях Эвереста. Среди них действительно много носильщиков, не меньше, чем торговцев, крестьян, предпринимателей.

По узкому мосту перешли через бурную речку и по валунам, устилавшим едва угадываемую тропу, зашагали к заветной цели – древнему монастырю Муктинатх (высота 4000 м).

Ущелье все расширялось, и река вскоре исчезла среди бесчисленных валунов. Только местами, в подтверждение того, что она где-то под нами, между камней сочится вода. Лошади идут размеренно, но ревниво следят за лидерством: то одна вырвется вперед, то другая – тоже, как люди, соперничают.

Со дна каньона пяти восьмитысячников не было видно, но даже гребни-зубцы четырехтысячников впечатляли. Они, правда, не покрыты снегом и оттого кажутся угрюмой и суровой своих более рослых заснеженных собратьев. Пройдя километр семь, в одном из подошвенных обрывов на высоте ста метров увидели несколько десятков пещер. Дордже пояснил, что в них обитают отшельники – саддху. Для меня осталось загадкой, как же они в свои пещеры забираются? По веревочным лестницам, или по узким горным тропам, или иным способом? Дордже не смог дать внятного ответа на эти вопросы – сам не знает.

По дну реки, несмотря на качающиеся под копытами валуны, шли довольно резко и через три часа оказались в деревушке с двумя рестораничками. Заказали национальную еду – тали: на большом блюде, в мисочках, разложены соус, мелко накрошенные овощи, вареная картошка и гора риса. Рис поливают острым соусом и едят вприкуску с овощами. Вместо хлеба к тали подают круглые, тонкие, почти прозрачные лепешки из бобовой муки – попар. Перекусив, двинулись дальше.

Через полкилометра ущелье разветвлялось. Основная ветвь уходила четко на север, где за труднодоступным районом Мустанг и перевалом Больших Гималаев простирается таинственный и легендарный Тибет. А боковая – тоже циклопических, по европейским меркам, размеров – на восток, вправо по ходу. Она ведет к священному для непальцев месту Муктинатх, где расположен одноименный монастырь с храмами V века, охраняющими святой источник и голубой огонь, постоянно горящий между камней. В храме лежит слепок гуру Римпоче – основателя монастыря. Как раз на том месте, где он любил медитировать, и забили веером упругие струи святого источника. Буддисты считают, что если омыть макушку головы под каждой струей, то у человека очистится карма, восстановятся жизненные силы.

Тропа в это ущелье круто, сразу метров на шестьсот, уходила вверх. Одолев половину подъема, лошадки совсем выдохлись. Еле передвигая ноги, они все чаще останавливались перевести дух. Портер, правда, не давал им расслабиться и криком заставлял идти дальше по карнизу в два метра шириной. За его краем открывалась манящая и пугающая бездна. Сорвешься – с полминуты свободного падения обеспечено. Чтобы страх не сковал тело, я туда старался не заглядывать.

Несколько раз встречались с караванами навьюченных ослов и лошадей, идущих вниз. Только услышишь позвякивание колокольчика, точнее, жестяного колокола, так сразу ищешь расширение тропы, чтобы встречный осел ненароком не спихнул тебя своим вьюком в пропасть. Караван обычно сопровождают два-три непальца. Кто пешком, кто на лошадке. У некоторых лошади высокие, такие же, как в России скаковые. Они и идут столь резво, что наездникам приходится их сдерживать.

Попадались и одиночные портеры. Вид щуплого, тонконового непальца, несущего огромную корзину или необъятный тюк, весом превышающий его собственный, вызывал волну восхищения. На отдых они останавливаются редко. Обопрут корзину на какой-нибудь выступ скалы, постоят минут пять, и дальше, как заведенные, вроде не торопясь, а в итоге получается, что идут довольно быстро.

Окружающие нас горы очень разные по рельефу, структуре и цветовой окраске. Одни округлые, пологие. Другие сплошь из остроконечных скал, башен, зубцов. Их цвет меняется в еще более широком диапазоне: от желтого, оранжевого, бордового до серого, почти черного. Часть гор сложена из плотных, кристаллических пород, часть из рыхлых, осадочных. Последние особенно сильно изрезаны ущельями. Зрительно впечатление такое, что две земные тверди сошлись лоб в лоб и, вздыбившись гранитными монолитами на семь-восемь тысяч метров, вознесли заодно и покрывавшие их осадочные, мягкие конгломераты, спрессованные из гальки, песка, известняка. Поэтому в таких местах даже небольшой ручей может промыть ущелье-каньон глуби-

ной более тысячи метров, склоны осадочных гор оживляют длинные языки осыпей, с конусами у подножья.

Среди коренных пород выделяется одна, необычная по внутренней структуре. Её черно-серые глыбы легко колются топориком на длинные тяжелые поленья, и непальцы наловчились складывать из них высокие каменные заборы, напоминающие деревенские поленницы дров.

Поднимаясь к монастырю, прошли через несколько деревушек. Горы вокруг такие громадные, что деревушки на их фоне выглядят как россыпь светлых песчинок. Три из них притулились прямо по ходу, а одна, с красной башней-монастырем на столообразной скале, на противоположном скате широко, глубиной километра два, ущелья. Вокруг деревушек на морщинистых склонах разбросаны поля-террасы. Террасы, террасы... Сколько сил надо вложить, чтобы на крутом горном склоне сотворить ровный плодородный участок. При этом каждая терраса еще обнесена оградой из дикого камня. Вдоль нее текут горные ручьи, и если возникает необходимость полить одну из террас, ручей перекрывают и воду перенаправляют в открываемое в ограждении отверстие. Когда почва поливаемого участка пропитается влагой, растекающейся по межрядным желобам, отверстие закрывают и ручей направляют для полива другой террасы.

Землю в этих местах до сих пор пашут обыкновенной деревянной сохой с металлическим зубом. Они стоят почти во всех дворах. На полях выращивают в основном ячмень и картофель.

Возле каждого дома за деревянными ткацкими станками сидят женщины. Ткут из шерсти яков и коз теплые кофты и шарфы, состоящие из цветных полосок, среди которых преобладают красные и черные цвета.

За оградой, под навесами буйволы и коровы карликовых размеров. И люди здесь невысокие, худенькие. Невольно возникает ощущение, будто горы высасывают из всего, что их окружает, все соки. Черные яки тоже оказались не такими крупными, как представлялось из описаний. Зато у них действительно очень вкусное и питательное молоко, из шкур шьют теплую, добротную одежду, а высушенный навоз служит топливом для печей. (Так же как коровий и козий – с дровами здесь сложно).

Древний монастырь Муктинатх раскинулся в самом изголовье ущелья и был хорошо виден за много километров благодаря белому контуру каменной стены, опоясывающей его. Внутри угадывались силуэты храмов, ступы, деревья. За монастырем гора круто уходила в небо и завершалась ослепительной снежной вершиной, как бы парящей над святым для буддистов местом.

За три километра до монастыря, после прохождения через Белый город – разрушенную и заброшенную крепость зловещего вида, опять начались крутые подъемы, перемежающиеся короткими спусками. Лошади ковыляли из последних сил, а Дордже все нипочем. Знай напеваает, не переставая, свои непальские мотивы. Вдоль тропы стали встречаться камни с вытесанными на них мантрами. Сколько в этом труда и почтения к Будде!

Взобравшись на очередное ребро отрога, мы увидели внизу, метрах в четырехстах, озерцо. Из этого озерца вытекал ручей, бежавший... на перевальный изгиб. Я не верил своим глазам. Наш караван легко спускается к воде, а ручей так же легко бежит вверх навстречу к нам!!! “Невероятно, не может такого быть”, – говорю я себе и, дойдя до озера, опять возвращаюсь назад к перевальному изгибу. Иду и чувствую явный подъем, но вода, опровергая все законы физики, своенравно и непринужденно продолжает бежать рядом со мной, а достигнув верха, еще резвее устремляется вниз. Отойдя в сторону, я прикинул на глаз перепад высот между озером и седловиной – не меньше шестидесяти метров, то есть подъем где-то десять градусов. Чтобы в спокойной обстановке попытаться понять, иллюзия это или необъяснимая аномалия, сделал несколько фотографий и снял этот отрезок ручья на видео.

Остановились на ночевку в деревне у хозяина трехэтажного горного приюта по имени Чен. Первый этаж хозяйственный. На втором большая столовая со столами, застланными толстыми покрывалами, кухня, хозяйские спальни. А на третьем (проход на него по лестнице через открытую террасу) шесть гостевых комнат. На террасе стоит солнечный подогреватель воды. Он похож на перевернутый зонтик с зеркальным рефлектором внутри. В точке фокуса лучей солнца установлена емкость, в которой греется вода. Просто, экономично и изящно!

Как только солнце закатилось за гору, резко похолодало. Пока сидел в столовой в ожидании ужина, основательно продрог. Чен, видя, что меня трясет (сказывалась, видимо, и ощутимая нехватка кислорода), засыпал в чугунок с отверстиями по бокам горящих древесных углей (огромная щедрость для этих мест) и поставил его под стол, укрытый толстой шерстяной скатертью. На меня сразу хлынули волны тепла, и вскоре я ожил. Дрожь прошла, вернулась способность говорить. Как важно, оказывается, чтобы ноги были в тепле. Ко мне подсели сначала Камал, а за ним хозяин – тоже к теплу тянутся. Через Камала я поинтересовался:

– Чен, в трех километрах отсюда есть озеро, из которого вытекает ручей, и течет он не вниз, как ему положено, а вверх. Так ли это и с чем это связано?

Судя по реакции, мой вопрос хозяина удивил:

– А как же ему течь? Ему же надо к речке, а речка за бугром.

– Но вода не может течь вверх.

– В этом месте вода всегда так течет – сначала вверх, а потом вниз. Что непонятного?

Ему, прожившему здесь почти пятьдесят лет, такое поведение ручья было так же естественно, как и то, что солнце встает на востоке, а заходит на западе.

За ужином я почти ничего не ел – не хотелось. Спал напряженно, с чувством какой-то неясной тревоги. Голова кружилась, побаливала. К тому же слегка подташнивало. Налицо все признаки горной болезни. Утром по настоянию Камала съел две порции чесночного супа и выпил несколько стаканов чая – сразу полегчало. Оказывается, при горной болезни самое главное – пить побольше жидкости, так как организм на высоте быстро обезвоживается. И следить, чтобы в легких не появился звук, похожий на скрип снега под ногами в морозный день. Но если легкие заскрипели – немедленно вниз. Иначе смерть в течение суток гарантирована. Успокаивает то, что с этим явлением люди сталкиваются при подъеме свыше 6000 метров, хотя быть начеку следует и на меньших высотах.

Удивила и порадовала чистоплотность жителей деревни. С утра все спускаются по обледенелым камням к горному ручью умываться, чистить зубы.

По улице прошло огромное, голов в двести, стадо коз. На площадь, к своим ткацким станкам, потянулись одна за другой женщины. Кое-кто разложил рядом на деревянном столе местные сувениры: всевозможные бусы из подделочных камней, бронзовые статуэтки Будды, Шивы, ножи кукри, шарфы, носки из шерсти яков и коз, филигранные изделия из кости. У жилищ на солнце развалились собаки, рядом кошки. У всех такие блаженные морды, будто они находятся в состоянии полной нирваны. Не зря говорят, какие люди, такие и животные.

Из деревни к монастырю крутая тропа, но если идти размеренно, без рывков, одолевается она запросто. Трехметровой высоты стена-ограда тянется замкнутой ломаной линией и охватывает все монастырские постройки и крупноствольный лес – единственный во всей округе. Вход в монастырь через калитку рядом с массивными воротами, украшенными красивой каменной аркой-пагодой.

Встретившие нас монахини усадили за стол и напоили непальским чаем. Рядом, у дверей в храм, дымил чаша с можжевельником. Запах приятный, успокаивающий. Да и сама местность дышала безмятежной умиротворенностью. Потом одна из монахинь провела нас по монастырю, показала отдельно стоящие ступы. На всем печать древности. Сводила и к “месту силы”, где прямо из земли вырываются языки пламени. По преданию, этот огонь зажег сам Будда. Рядом с ним, из-под камней, бьет многоструйный источник. Здесь сходятся и сосуществуют одновременно все четыре стихии: Вода, Огонь, Воздух, Земля. Видимо, этим и обусловлен выбор места для строительства монастыря.

В храме я приобрел длинные гирлянды разноцветных флажков с мантрами. На каждом флажке, а их было сотни две, по совету монахини написал имена самых близких мне людей. Поднявшись по склону горы, до отметки 4200 метров, нашел свободное место и растянул буддийские обереги звездочкой. Их тут уже многие десятки. Некоторые развешаны отчаянными скалолазами прямо по отвесным стенам.

Отсюда горы предстают во всей своей красе и мощи. Глядя на них, ясно осознаешь, сколь мелки и ничтожны наши житейские проблемы в сравнении

с этими грандиозными творениями Природы. Величие открывшейся взору панорамы обострило способность воспринимать и чувствовать многое из того, что прежде не замечал. Мир стал шире и многозвучней. Исподволь крепло ощущение, что находишься в пограничном состоянии между Землей и Небесами: стоит лишь чуть-чуть напрячься, и станет доступным другое измерение. Зайдешь в Пространство вне времени и увидишь Вечность, и сам станешь ее частью...

На обратном пути набрался храбрости и прошел-таки под ледяными струями святого источника, подставляя под них, как того требует поверье, макушку головы. Когда вытерся и оделся, ощутил небывалый прилив сил и бодрости.

Что интересно, в Катманду, на высоте тысяча триста метров солнце просто слепит, а здесь, на четырех тысячах метров, оно, как будто жалея горцев, усмиряет свой блеск. Светит приветливо, нежно.

Вторую ночь в высокогорье провел в глубоком безмятежном сне – организм начинает адаптироваться. Утром чувствовал себя настолько хорошо, что предложил Дордже сразу идти на перевал Горунг, но он настоял на том, чтобы еще один день провести в Муктинатхе для более глубокой акклиматизации.

День посвятил прогулке по деревне, знакомству с окрестностями. Еще раз сходил в монастырь, облазил все его закоулки.

Лица местных непальцев ближе к монголоидному типу. В Катманду же преобладает индоевропейский. Женщины в этих краях отличаются пунцовыми щеками и волосами смоляного цвета. Одеваются незатейливо, ходят в обуви на босу ногу. Двери в домах нараспашку. Печь используют только для приготовления пищи – дрова на вес золота, хотя поленья почему-то очень длинные – до метра. Даже с приходом зимы топят их редко – просто одеваются потеплее. Дома и двор с хлевом обязательно окружены забором, выложенным из дикого камня.

Чувствовал себя весь день хорошо. Уверен, что завтра 5000 возьму, а даст Бог, и Горунг одолею. Лошади все еще не восстановились, и Дордже выпустил их пастись в горы. Подниматься будем пешком. Вечером, чтобы облегчить рюкзаки, вынули из них все лишнее.

С первыми лучами солнца начали восхождение по корытообразному проему между двух пиков, оставив монастырь слева. Дордже, учитывая мою неподготовленность, то и дело останавливался и поил чаем. Несмотря на довольно продолжительные передышки, голова постепенно заполнялась неприятной пустотой, и мощные, частые, как у отбойного молотка, удары сердца отдавались в ней, как в пустой бочке: организм жадно требовал кислорода. Появились первые снежки. Из боковых логов осторожно выглядывали языки ледников. На подтаявших на солнцепёке сверкающих “башенках” громоздились валуны. Из-под льда вырывались ручьи. Радостно погремев метров пятьдесят, они вновь исчезали в мешанине камней.

Восхождение длилось почти семь часов. Седловина перевала Горунг довольно чистая, покатая. Поднявшись на нее, я понял, что главное и самое приятное качество перевала не в том, что с него открывается обзор на 360 градусов, а то, что дороги с него ведут только вниз! Это, оказывается, так здорово, что больше никуда не надо карабкаться – ты уже наверху! По мере восхождения холодало. Из Муктинатха выходили при температуре 0°C, а здесь уже минус 8°C, да еще с ветром.

Мы огляделись. Повсюду гирлянды молитвенных флажков, пирамидки из камней. Мантры, выбитые прямо на них. Много камней с мантрами лежит прямо у тропы. Снега почти нет. Только в тени местами лежит, весь бурый от многомесячной пыли. Вокруг нас, в радиусе пяти километров, торчит с десяток шеститысячников со стекающими с них языкастыми глетчерами. В тех местах, где лед разошелся в трещинах, обнажившиеся раны сверкают девственно-чистыми гранями. Справа на юго-западе, на расстоянии километров двадцати, парит над облаками главная гордость Центральных Гималаев – массив Аннапурны, потрясающий своей мощью.

Когда, привалившись к валуну, устроились обедать прямо на тропе, услышали мерный перезвон колокольчиков. (Точнее, как оказалось, колоколов размером с детское ведерко.) Три навьюченных яка и два проводника-непальца сопровождали лиц неопознанной национальности в шерстяных шапочках и огромных солнцезащитных очках. Освобождая тропу, мы поприветствовали – намастэ! Непальцы в ответ сложили ладошки на груди и поклонились.

Яки крупные, черные. Неслышно ступая мохнатыми ногами, они шли без усилия, как танки — замешкайся мы чуть-чуть, и они прошли бы по нам.

После взбодрившего меня непальского чая вскарабкался для лучшего обзора на небольшую скалу...

Гималаи! Безжизненный, бесстрастный, но вместе с тем потрясающе красивый мир, хаотично заставленный остроконечными пирамидами. Лед, снег, разреженный воздух, вечный холод, замороженные за миллионы лет насквозь гранитные пики. Между ними плывут облака, легкие и зыбкие, как миражи средневековых парусников. Это не Земля. Это иная планета! Никогда я не видел такого множества ослепительно сверкающих вершин “на расстоянии вытянутой руки”.

Похоже, что Горунг обладает колоссальной энергетикой. Несмотря на нехватку кислорода и подъем почти на 1500 метров, я чувствовал себя сносно. Чтобы острее проникнуться значимостью момента, выпили по стопке виски. Еще более повеселевший Камал тут же разыграл меня.

— Йети, смотри, йети идет! — указывая на склон горы, усыпанный черными валунами, с ужасом зашептал он мне в ухо.

Один валун действительно напоминал силуэт набычившегося человека. Видя, что я воспринял розыгрыш всерьез, успокоил:

— Не бойся, Камиль, йети худых не едят.

На спуске заметил орла, царственно восседавшего на скальном клыке. Я полагаю, что на такой высоте орлы уже не живут. Ан нет — сидит красавец! Решив сфотографировать его крупным планом, стал подкрадываться. Птица недовольно косилась и, наконец, сверкнув глазом, в два взмаха сорвалась вниз и запарила кругами над пропастью.

В Муктинатх вернулся чуть живой. Под конец брел уже “на автопилоте”, мало что сознавая. Тело переполняла усталость. Но сон опять, как ни странно, был поверхностным. Всю ночь ворочался. Возбужденный мозг никак не хотел уgomониться, да и организм звал вниз, туда, где в изобилии кислород...

Обратно в Джомсом вышли только в тринадцать часов. Поздно! Я никак не мог заставить себя встать. Дордже чесночным бульоном попоит, и я опять дремлю, слышу, как внизу бегают, заливаясь смехом, детвора, переговариваются взрослые, звенит посуда, хлопают двери. После вчерашней вечной тишины, царящей среди могущественных гор, эти звуки были как бы из другой жизни.

Прощаясь с Муктинатхом, обвел долгим взором эти святыне, чарующе красивые места, безоблачный свод неба. С погодой, надо сказать, нам очень повезло. За все дни ни ветра, ни снега, ни дождя! Камал считает, что лучшее время для посещения Непала — март или октябрь. Зимой холодновато, а летом сезон дождей, который, накладываясь на тридцатиградусную жару, делает это время года непригодным для жизни европейца. Выбрав для поездки конец февраля — начало марта, я, в общем-то, не сильно промахнулся. Зато попал и на тибетский Новый год и на день рождения Шивы.

До Джомсома добрались в глубоких сумерках. На улице, не обращая внимания на пронизывающий ветер и пыль, играли ватаги детей. В темноте все вокруг выглядело унылым, одни подростки смеялись радостно и беззаботно. На столбах кое-где горели лампочки. Свет от них настолько тусклый, что его хватало лишь на то, чтобы осветить самих себя, а сумерки вокруг, наоборот, превратили в непроглядную тьму. Такая же слабая освещенность и в домах. Двери в большинство из них, как всегда, распахнуты. Сквозь оранжевый туман электрического света видно, точнее, угадывается, что внутри кто-то смотрит телевизор, кто-то накрывает стол к ужину, у кого-то по полу ползают малыши.

На ночевку остановились в первом же приюте. Температура в нем такая же, как на улице, но ветра, слава Богу, не было. Что за холодостойкий народ эти непальцы?! Сидят в рубашках счастливые, довольные, а у меня даже кости трясутся от озноба.

Согрелся часа через два в относительно теплой столовой после нескольких чашек обжигающего непальского чая. Почувствовав себя опять живым человеком, вышел на балкон-террасу. Над городком висело угольное небо, кучно простреленное тысячами звезд-дробинок. Сквозь их крохотные дырочки на землю проливался серебристый свет из космоса. Что значит высокогорье — воздух почти не поглощает света звезд, и они ночью сверкают, как кристаллы снега под яркими лучами дневного солнца.

В восемь утра были уже в Покхаре. Камал все удивляется тому, что, начиная с Катманду, все наши самолеты вылетали и садились точно по рас-

писанию. В его практике это небывалый случай. Задержки на два-три часа в Гималаях обычное явление, но не предел и несколько суток. Не успели мы обсудить эту тему, как опять объявили посадку. А вон и “руины Сталинграда” – город Катманду...

В истории Непала был период, когда страну разделили на три королевства, которыми правили три брата. У каждого была своя столица: Катманду, Патан, Бхактапур, расположенные по соседству. Королевства, соперничая, старались перещеголять друг друга в роскоши и красоте храмов и дворцов. Сейчас их больше всего сохранилось в Патане. Храмы там отличаются изяществом и богатством убранства. Недаром “Патан” переводится как “город прекрасного”. Находится он в пяти километрах от Катманду и уже практически слился с ним. Патан славен еще своими кузнецами, чеканщиками, мастерами по литью из бронзы.

Если Патан город буддистов, то Бхактапур (“город верующих”) – индуистский город. Он подальше от Катманду – до него тринадцать километров. Этот город отличается чистотой и отсутствием транспорта в центральной части. В нем множество художественных салонов, величественных храмов, мастерских по резьбе из дерева.

В 1372 году основатель третьей династии царей Малла завоевал сначала Патан, а затем, десять лет спустя, – Бхактапур и таким образом вновь объединил долину в одно государство, которое затем еще не единожды распалось на отдельные королевства-княжества. В 1768 году правитель королевства Горкха (западная часть Непала) Притви Нараян Шах завоевал всю долину и перенес свою столицу в город Катманду. С этого момента было положено начало правления в Непале династии Шах.

Британия, пытаясь расширить свои колониальные владения в XVII–XIX веках, предпринимала неоднократные попытки включить Непал в состав своей империи, но труднодоступность королевства и мужество непальских воинов, представленных в основном гуркхами, не позволило осуществиться планам англичан. Солдаты-гуркхи, как я уже писал, настолько славятся своей отвагой, что их нанимают в армии других стран для службы в самых элитных подразделениях. Оплата за право найма вносит существенный вклад в бюджет королевства. Сами непальцы несказанно гордятся тем, что никогда не были, в отличие от соседей, чьей-либо колонией.

Столица встретила нас многозвучной какофонией улиц, заполненных людьми, мотоциклами, рикшами, автомобилями. В отеле получил оставленный багаж и разместился в том же номере. Такое вот трогательное внимание и уважение к клиенту! После обеда выбрался на плоскую крышу. Город отсюда виден как на ладони.

Вокруг Катманду много полей, огородов. Долина окружена лесистыми горами, на склонах которых белеют виллы местной знати. На севере просматриваются заснеженные пики Больших Гималаев. Насладившись видом окрестностей, расстелил одеяло и, ласкаемый солнечными лучами, “погрузился в нирвану”.

Непал все-таки особая страна. Страна с добрым сердцем и чистой душой. Возможно, в этом проявляется преображающее, облагораживающее влияние на людей высочайших в мире гор – Гималаев. Здесь прямо в воздухе витает невероятной силы очистительная энергия. В человеке, оказавшемся в этой атмосфере, просыпается, проявляется всё лучшее, что заложено в нем Богом. Повсюду чувствуется присутствие божественной благодати, делающей всех на этой земле равными.

Когда стоишь у подножья сказочно высоких пиков и созерцаешь их величие, не думается о материальном. Все традиционные ценности современной цивилизации (карьера, деньги) отходят на второй план, и что-то в тебе из уснувшего, доселе подспудно таившегося, начинает пробуждаться, и через месяц-два, уже дома, вдруг ощущаешь, как ты меняешься оттого, что в глубине твоей души поселилась светлая радость и умиротворение. Что ни говори, Гималаи – это особое, приближенное к Богам царство. Они всё и всех меняют в лучшую сторону.

Непал – это радостный, светлый праздник, дарящий чудесные воспоминания на всю жизнь. И он со временем не гаснет, а, наоборот, разгорается и зовет обратно. Уверен, наше новое свидание состоится, и, быть может, оно поможет мне овладеть величайшим даром – искусством жить с радостью.